

ОН ЛЮБИТ повторять: «Я — рабочая машина. Для меня ничего не существует, кроме работы. И никого — ни родных, ни близких». В минуту открытости, вспоминая о давно умершей маленькой дочке, даже сказал: «Я — преступник. У Мурочки заболела нога, надо было отвезти ее к доктору, а я все откладывал, книгу кончал. Потом оказалось, что у нее туберкулез. Если бы вовремя схватились, вероятно, ее еще можно было спасти... Я — рабочая машина, я ни о чем другом думать не могу».

Лет шесть тому назад мне довелось из дня в день видеть, как работает Корней Иванович Чуковский. Он и в самом деле не только сидел за письменным столом с 6 часов утра до вечера, но и во время отдыха, прогулок размышлял о том, что пишет, рассказывал, проверял, какое впечатление производит его рассказ.

Нередко он гулял, окруженный детьми, которые сбегались к нему со всей округи. Это была живописная картина — идет высокий седой человек по зеленым переделкинским аллеям и оживленно беседует с группой малышей, пластично размахивает длинными руками, звонким, певучим голосом читает им стихи. А иной раз бежит с ними по саду, оглашая его

криками. Казалось, Чуковскому не 75 лет, а он — ровесник этой детворы. В своей автобиографии он признается, что в общении с детьми черпает счастье и душевное здоровье. Но одновременно он накапливает наблюдения над психологией ребенка, которыми так богат его исследовательский труд «От двух до пяти».

Читателю кажется, что Корней Чуковский пишет с необыкновенной легкостью, словно птица поет. А на деле — бесчисленное количество раз переписывает каждую фразу. Его черновики так резко отличаются от беловых вариантов, точно написаны разными людьми. Стоит ему прочитать полстранички, перепечатанные на машинке, как он тотчас же начинает все исправлять. Внимание свое он сосредоточивает главным образом на слове, на сочетании слов. С необычайным упорством он ищет слово, решительно не допуская стертых выражений, безличных оборотов речи. Свежесть, простота, легкий, свободный, выразительный язык Чуковского — все это результат напряженного труда. По натуре он импульсивен, поэтому в первой редакции у него нередко «пережимы», при правке он всегда старается их смяг-

чить. Он навсегда запомнил сказанную ему когда-то очень давно фразу одного из редакторов газет: «Педали!!! Отпустите педали!!!». Он тщательно следит и за тем, чтобы фраза не звучала фальшиво, чутко вслушивается в ее ритм. И объясняет: «Я не могу выпу-

сать статью и чтобы ее напечатали». Каждый час, даже минуты, проведенные без работы, он считает потерянными. Гостей встречает радушно, с интересом беседует с ними, а потом досаждает: «Столько времени зря ушло. Я бы за это время мог

написать несколько страниц». Его страсть к работе порой доходит до крайностей. Узнав о смерти одного высоко ценимого им человека, был чрезвычайно удручен. Однако пожаловался — зачем ему дочь об этом рассказывала: «Могла бы до завтра подождать. Я бы сегодня спокойно работал».

От окружающих его людей он тоже прежде всего требует, чтобы они неустанно работали. «Опять на именины?! — с негодованием спрашивал он меня. — Имейте в виду: или вы светская дама, или литератор. Одно из двух».

Как-то сын его Николай Корнеевич справедливо сказал, что человека определяют не только поступки, поведение, слова, но и мечты его. Когда сын вышел из комнаты, Корней Иванович вздохнул и признался: «Коля говорит — важно, о чем человек мечтает, а я никогда в жизни ни о чем не мечтал, кроме того, чтобы написать хоро-

шее мнение еще в 1911 году. А теперь все его знают, любят, понимают, мне уже нечего о нем сказать». Между тем в книгах Чуковского удивительно именно то, что он о, казалось бы, известных вещах говорит как-то по-своему, по-новому освещая их. Мне ду-

ше много переосмысливает в ней. Несмотря на свои годы, этот человек отнюдь не консервативен в своем мышлении, нет, он внутренне меняется, движется вместе с временем. Чтение писем (он получает их груды ежедневно) считается отдыхом. Многие

О. ГРУДЦОВА

НЕВООБРАЗИМО ТРУДОЛЮБИВ!

стать из рук статью до тех пор, пока не уверен, что лучше не в силах написать».

Прежде чем взяться за перо, он выписывает из библиотеки необходимые книги и целиком погружается в них. Когда писал портрет «Короленко в кругу друзей», перечитал все его произведения, статьи Анненского и т. п. Он досконально изучает не только творчество писателя, которому посвящает свой труд, но и жизнь его, окружающих, отношения с ними, эпоху... «Без этого нет поэты, — говорил Чуковский. — Человек, его психология — это самое интересное на свете. Для меня поэт не существует вне его характера, жизни, условий, в которых он работал, времени...».

Закончив работу, Чуковский непременно читает ее

написать несколько страниц». Его страсть к работе порой доходит до крайностей. Узнав о смерти одного высоко ценимого им человека, был чрезвычайно удручен. Однако пожаловался — зачем ему дочь об этом рассказывала: «Могла бы до завтра подождать. Я бы сегодня спокойно работал».

Писал он в то время сразу несколько вещей. Помню, как работал над Чеховым. В кабинете на столе разложены книги Чехова. Чуковский перечитывает их, отмечает на карточках нужные места, достает из архива старые заметки, досконально изучает чеховские письма. Иногда признается, что не очень хочется о Чехове писать. «Я всю жизнь работал, чтобы делать открытия. Когда-то все считали Чехова «сумеречным» писателем, я опроверг это

материал, происходит это оттого, что он не только исследователь, но и художник. Он обладает даром перевоплощаться в того, о ком пишет. А перевоплощаясь, естественно, проникает в такие тайники его души, которые недоступны тому, кто анализирует творчество писателя, глядя на него как бы со стороны. Работа над Чеховым, Чуковский и вел себя невольным как-то по-чеховски. Именно в то время, например, он построил библиотеку для окрестных ребят.

В другой комнате он подготавливал переиздание книги «От двух до пяти». Каждое новое издание Чуковский скрупулезно перерабатывает. Ни одна его книга не вышла в том виде, в каком она была напечатана прежде. Он не только дополняет ее, обогащает материалом, но зачастую

родители присылали Чуковскому речения своих детей для его труда «От двух до пяти». Корней Иванович отбирал наиболее интересные, аккуратно классифицировал их. «Это для меня — как пасьянс», — говорил он.

Он ничего не делает кое-как, с налета. Меня всегда поражает тщательность, обстоятельность, с которыми он работает. Эта обстоятельность, на первый взгляд, казалась даже не свойственной ему, человеку в высшей степени эмоциональному, «человеку настроения», его бурному темпераменту. Между тем, не только работая над книгами, статьями, — чем бы он ни занимался, он во все детально вникает. Как долго и пристально он рассматривает репродукции в монографиях о живописцах, как внимательно вглядыва-

ется в каждую подробность... Помню, кто-то привез ему английскую газету, он не выпустил ее из рук, пока не прочитал буквально всю — от корки до корки.

Однажды в доме слушали пластинки — песни Беранже. Прослушав их, Корней Иванович взял томики Курочкина, томик Беранже по-французски и стал свертывать. «А у Курочкина лучше. В «Новом фразе» у Беранже в конце строфы — три одинаковые рифмы, из которых две — припев. У Курочкина — новые, свои, три. В «Лизет» у Курочкина ритм более певучий и т. п. Весь вечер занимался этим.

Встретился в Доме творчества с калмыцким поэтом, попросил его почитать стихи. Вслушивался в ритмы, расспрашивал о размерах калмыцкой поэзии. А вернувшись домой, тотчас же взял энциклопедию и сосредоточенно прочитал всю историю калмыцкого народа.

Без работы Чуковский не может ни одного дня существовать. Он нестерпимо мучился, когда заболел и ему запретили писать. Но при всех обстоятельствах находил предмет для наблюдения. Прямо-таки вдохновенно следил за муравьями, которые поселились у него на балконе. «Смотрите, ни секунды без дела. Все время бегут туда и обратно, это они но-

сят материалы, строят себе дом».

Но больше всего он любил во время болезни, чтобы ему читали вслух. С удовольствием слушал даже те книги, которые знал почти наизусть. Огромное наслаждение доставляла ему «Одиссея», он нараспев повторял гекзаметры Гомера и восхищался ими до слез. Всегда обращал внимание на выразительное слово, на ритм, объяснял, как построен сюжет. Помню, я читала ему Диккенса, он прерывал меня и говорил: «Гений... Смотрите — делает, что хочет. То начинает писать откровенную галиматью — для сюжета, для публики. То — гениальные страницы... Женщины у него безлики. Пустое место, нет характеров. Только бабушка Дэви хороша. Потому что — старая. И то вначале, а потом она становится добродетельной и сразу скучная... Дора замечательно написана. Вероятно, потому, что с жены писал».

В Корнее Чуковском на редкость причудливо переплетаются самые противоречивые мысли, чувства, настроения... Он сам зачастую говорит: «Я никогда не знаю, что сделаю в следующую секунду».

Но в работе он удивительно последователен, логичен, дисциплинирован и взыскателен к самому себе. Этот человек невообразимо трудолюбив.

Московский новосозданный 1967, 1166?